

УДК 316.74:32

Е. В. Князева

канд. соц. наук, доц., кафедра социологии,

Институт социальных наук

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова

к. 40, Французский бул. 24/26, г. Одесса, 65053, Украина

ОТРАЖЕНИЕ ФЕНОМЕНА ДОВЕРИЯ/НЕДОВЕРИЯ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

В рамках исследования взаимосвязей гражданского общества и государства современная наука определяет в качестве важнейшей тему доверия по отношению к институтам власти. В статье представлены результаты прикладного социологического исследования, целью которого являлось изучение причин и факторов доверия, изучение реверсной связи, эффектов доверия, т. е. следствий социально-экономических процессов, сопряженных со снижением или усилением доверия, а соответственно и эффективность политики Президента, правительства, депутатов ВР.

Ключевые слова: доверие, недоверие, неполное доверие.

Одним из важнейших факторов, определяющим характер не только межличностных, но и в целом всех социальных отношений, является доверие. Оно непосредственно “вплетено” в механизм, обеспечивающий интеграцию и стабильность общества. Подчеркивая роль доверия в организации общественной жизни, известный американский социолог А. Селигмен отмечает, что власть, господство и насилие на какое-то время могут решить проблему социального порядка, организации разделения труда, но “они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долгосрочной перспективе” [1, с. 7].

К проблеме доверия в разное время обращались такие мыслители прошлого, как Г. Гроций, Дж. Локк, И. Кант и Э. Дюркгейм. Доверие рассматривалось ими в контексте анализа “договорного” начала общественных отношений. Тема доверия проходит через социологические теории, рассматривающие общественные связи как социальный обмен (П. Блау, Дж. Хоманс). В той или иной форме к этой проблеме обращался Т. Парсонс. “Общество может быть самодостаточным только в той мере, в какой оно может “полагаться” на то, что деяния его членов будут служить адекватным “вкладом” в его социетальное функционирование”, — пишет он в книге “Система современных обществ” [2, с. 21].

В современной Украине проблема доверия и недоверия является животрепещущей. Исторические факторы, особенности национального характера, социальные потрясения наложили свой отпечаток на атмосферу доверия и недоверия в современном украинском обществе, породили систему препятствий и условий доверительных отношений между людьми. Политическая и экономическая нестабильность, частые кадровые перестанов-

ки как в правительстве, так и на уровне местных властей, сенсационные заявления о компроматах на членов парламента и правительства, выступления самих “избранных народа” в прессе и по телевидению — все это в сочетании с резким ухудшением уровня жизни не может не отражаться на умонастроениях всех слоев населения.

Падение доверия населения почти ко всем политическим лидерам и деятельности политических и социальных институтов становится одной из важнейших тем во многих контекстах современной Украины. Как отмечают исследователи, подобное социально-психологическое состояние общества в поставторитарный период характерно не только для Украины. Многие страны Восточной Европы также переживали период “крушения массовых иллюзий, связывавшихся с победой демократических сил” [3, 45].

Концепция недоверия в научной литературе разработана слабо. Традиционно этот негативный концепт интерпретируется как отсутствие доверия или иной дефицит в неформальной социальной организации. Теоретической основой дискуссии о недоверии является разработанная в классической социологии концепция аномии как специфической характеристики общества или группы (но не индивида). Анализируя препятствия на пути демократии в бывших социалистических странах, П. Штомпка отмечает, что, как оказалось, “культура недоверия” стала более предпочтительной в Польше и других постсоциалистических странах в середине 90-х гг. “Эндемическое недоверие, проявившееся на всех уровнях и во всех областях социальной жизни, остается реальностью в течение пяти лет после падения реального социализма” [4, с. 57]. Актуальность и причины активного обращения социологии к проблеме доверия/недоверия П. Штомпка, в частности, объясняет устойчивым парадигмальным сдвигом внутри самой социологической науки — от господства “социологии социальных систем” к “социологии действия” [5, с. 34]. В дискуссиях по поводу недоверия могут быть выделены, по крайней мере, два главных направления: культурологическая теоретическая традиция (П. Штомпка, Ф. Фукуяма, Р. Путнама, С. Верба, Р. Инглехард и др.) и институциональные концептуальные интерпретации (Э. Гидденс, Дж. Коулман, Н. Луман, А. Селигмен и др.)

На базе двух основных теоретических подходов (культурологическом и институционального) была разработана программа прикладного социологического исследования, целью которого являлось изучение причин и факторов доверия, изучение реверсной связи, эффектов доверия, т. е. следствий социально-экономических процессов, сопряженных со снижением или усилением доверия, а соответственно и эффективность политики Президента, правительства, депутатов ВР.

Предмет исследования — причины и факторы, детерминирующие недоверие населения к политикам (на примере избирателей г. Одессы); недоверие как социальная проблема, характеризующая период социальной трансформации общества; особенности концептуальных подходов к исследованию “доверия” и “недоверия”.

Рабочая гипотеза об эндогенности и рациональности недоверия:
недоверие к политикам обусловлено

– внутривыборными факторами, связанными с экономическим и политическим курсом правительства, осознанием избирателями уровня эффективности проводимой политики. Оно связано с ожиданием, то есть возможностью избирателя прогнозировать действия политика (института) и надеждой, что эти действия совпадут с теми, которые избиратель от них ожидает. Насколько указанные действия избирателя совпадают с ожиданиями, настолько избиратель и доверяет ему;

– внутренняя политика может быть контрпродуктивной в том случае, если она приводит к росту неудовлетворенности большого числа людей условиями жизни и недоверию населения к деятельности всех ветвей власти;

– рациональное недоверие связано с тем, насколько хорошо избиратель знает политика (институт), которому он доверяет свой голос;

– снижение доверия происходит быстрее, чем восстановление доверия, поскольку получение негативного опыта взаимодействия формирует у избирателя негативное отношение к политику;

– существует прямая связь между недоверием к политическим институтам, фигурам власти и абсентеизмом. Абсентеизм избирателей носит осознанный протестный характер, в основе которого лежат как неверие в демократичность выборов, так и недоверие конкретным кандидатам и партиям. Сознательное неучастие в выборах и голосование “против всех” являются основными каналами выражения недовольства.

Для проверки гипотезы было организовано исследование, объектом в котором выступили избиратели г. Одессы. Исследование проходило в три этапа. Первое было проведено в канун 100 дней новой власти. Второе после первых серьезных неудач помаранчевой власти и отставки правительства Ю. Тимошенко. Третье — за 1,5 месяца до внеочередных выборов в Верховную Раду.

Объем выборочной совокупности в городе Одессе — 1000 чел. (в каждом исследовании). Выборка многоступенчатая, гнездовая пропорциональная. Критерий выделения гнезд — разделение города / области по избирательным округам. Выборочная совокупность по контролируемым социальным характеристикам (полу, возрасту, образованию, месту жительства) представляет собой достаточно точную модель взрослого населения города. Фактическая средняя ошибка выборки по контрольным квотным характеристикам не превышает + 1,5 %. Руководители исследования: кандидат социологических наук Е. В. Князева и кандидат социологических наук А. В. Худенко.

Результаты анализа данных опросов свидетельствуют о нарастающем углублении и расширении недоверия населения к деятельности властных структур (политическим лидерам и местной администрации) с мая 2005 по август 2007 гг.

В своем исследовании мы исходили из предположения о том, что ошибочно рассматривать доверие к политикам лишь как зависимую переменную, как отражение удовлетворенности или неудовлетворенности избирателями действующими политиками и институтами. Напротив, доверие, будучи зависимым от эффективности принимаемых политиками решений,

одновременно оказывает сильное воздействие на политическую ситуацию тем, что сопровождается формированием в обществе аффективных ориентаций, связанных с возникновением чувства доверия или недоверия к действующей власти.

Рейтинг политиков рассчитывался на основе статистического анализа ответов на вопрос о доверии к политикам республиканского и регионального уровня. В своем значении он соответствует показателю Индекса Доверия (ИД), который нормирован от 0 /такого политика не знаю/ до 1 /полностью доверяю/. Поскольку мы исходили из предположения о том, что недоверие не является альтернативой доверия, мы намеренно присваивали позиции /совсем не доверяю/ положительное значение. С нашей точки зрения, принимая в расчет вероятностную и случайную природу рейтинга, даже высказанное недоверие “стоит” больше, нежели отсутствие мнения. Как отмечает известный украинский социолог, специалист в области электоральных исследований А. Вишняк: “Когда политик или партия вообще не знакомы широкому кругу избирателей, то это “смерть” для них, а вовсе не средняя оценка. И поэтому при расчетах, на наш взгляд, позицию “не знаю такого политика” следует рассматривать как наименьшую и оценивать балом “0” по 5 — уровневой шкале” [7, с. 248].

Индекс доверия рассчитывался по формуле [8; с. 58]:

$$\frac{A(1) + B(0,75) + B(0,50) + \Gamma(0,25) + D(0)}{I_{\text{дов.}} = N}$$

(Где I дов. — индекс доверия; А, Б, В, Г, Д — число респондентов, избравших соответствующий вариант ответа (А — полностью доверяю, Б — скорее доверяю, В — скорее не доверяю, Г — полностью не доверяю, Д — такого политика не знаю).

Наивысший I дов. в мае 2005 г. (по результатам исследования в Одессе) был у действующего Президента Украины В. Ющенко и премьер-министра Ю. Тимошенко, соответственно. 58 и. 57. Ближайший к ним был В. Литвин, отставал от “венценосной” пары на 10 пунктов (I дов. был равен. 48); В. Янукович на 13 пунктов (I дов. =. 45). С мая по октябрь 2005 г. Президент Украины В. Ющенко потерял в индексе доверия семь пунктов, а Ю. Тимошенко после отставки — 10 пунктов. При этом необходимо отметить, что более половины одесситов (53%) одобрили решение об отставке правительства Ю. Тимошенко. Напротив, индекс доверия к силам, оппозиционным “оранжевой революции”, возрастал. Так, например, индекс доверия В. Януковичу вырос на 11 пунктов. На протяжении последних двух лет I дов. нынешнему Президенту В. Ющенко снизился до. 34 ед., в то время как I дов. Премьер-министру В. Януковичу оставался практически неизменным (в августе 2007 I дов. В. Януковичу равен. 58 ед.)

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что есть прямая связь между недоверием к политическим институтам, фигурам власти и абсентеизмом. Более чем десятилетний опыт проведения альтернативных выборов, показывает, что растет число граждан, отказывающихся участвовать в голосовании. Явка на избирательные участки на выборах в Верхов-

ную Раду в 2007 г. по сравнению с 1989 г. в области снизилась более чем на 20%.

Еще более низкий интерес избиратели демонстрировали к местным выборам. Как сами респонденты объясняют свою пассивность? Четверть из них можно отнести к группе “аполитичных” граждан — они не интересуются политикой и никогда не участвуют в выборах. Другая четверть представлена респондентами, сомневающимися в демократичности и честности института выборов. Свое неучастие они выразили тем, что выборы не меняют ситуацию, и от них ничего не зависит. Третью группу составили те, кто среди многочисленных участников избирательной кампании так и не нашел “своего” кандидата (17%) или “своей” партии (8,8%). Остальные респонденты объяснили свое неучастие в выборах случайными обстоятельствами: командировками, болезнью и др. Полученные результаты свидетельствуют, что абсентеизм значительной части избирателей носит осознанный протестный характер, в основе которого лежат как неверие в демократичность выборов, так и недоверие конкретным кандидатам и партиям. Как показал анализ результатов исследования, за этим стоят более глубокие причины — разочарованность избирателей в политическом режиме, негативный экономический опыт, приобретенный в ходе рыночных реформ. Характерно, что именно в группе респондентов, оценивших свой материальный уровень крайне низко (“денег не хватает даже на еду”), чаще наблюдается феномен недоверия и отчужденность от общественной жизни. Почти треть из них дала отрицательный ответ на вопрос об участии в выборах. Причем более половины из них свою электоральную пассивность объяснили отсутствием интереса к выборам и политике в целом. Отметим, что сознательное неучастие в выборах и голосование “против всех” стали основными каналами выражения недовольства. Как следует из анализа электоральной статистики на выборах 2006 г., общее недоверие ко всем партийным спискам высказало до 8-12% активных избирателей, проживающих на разных территориях области.

Можно вполне допустить, что определенный уровень неудовлетворенности населения условиями и уровнем жизни является необходимым источником энергии в демократическом процессе любого общества. В этом смысле “недоверие” могло бы быть рассмотрено, с одной стороны, как вызов, а с другой — как условие дальнейшего развития. В то же время, когда степень напряженности достаточно велика, существует опасность того, что оно может перерасти в угрозу для самого процесса. Такой ответ приводит к необходимости постановки вопроса, а не является ли недоверие надлежащим показателем (свидетельством) “нормального” неудовлетворения или становится чем-то более серьезным, тормозящим продвижение к демократизации? Специфической особенностью полученных данных стало и то, что высказываемое недовольство нередко было прямо обращено к определенным персоналиям, а именно: известным политическим деятелям или представителям местной администрации. Поэтому возникает важный вопрос: как и насколько сильно это персонифицированное недоверие может отличаться от недоверия к социальным и политическим институтам, к образу

их действия? Не без основания можно предположить, что за демонстративным критицизмом отдельных персоналий в данном случае скрывается неявно выраженное недоверие к институтам. Предложенные нами выводы, несомненно, носят пока еще предварительный характер и требуют более детальной проработки на эмпирических материалах.

Несмотря на то, что в представленном исследовании мы рассмотрели “недоверие” прежде всего как теоретическое понятие, существует и второй аспект этого феномена, который, как нам кажется, также должен быть отмечен. В настоящее время, и это особенно типично для Украины, стратегии выживания как в повседневной, так и в деловой жизни, строятся, скорее, на неформальных структурах взаимного доверия, чем на формальных контрактах и юридически закрепленных обязательствах.

Следует отметить также еще один важный, на наш взгляд, факт: довольно часто фиксировалось устойчивое ожидание того, что для решения насущных проблем “кто-то должен же что-то делать”. В качестве этих “кого-то” подразумевались, прежде всего, представители администрации города или района, известные политические деятели. Таким образом, открыто выражая свое неудовольствие их деятельностью и недоверие к ним, наши респонденты связывали свои ожидания относительно решения проблемных ситуаций и улучшения условий жизни как раз с теми, кого более всего и критиковали. Альтернативные каналы действия или выражения конструктивного мнения предлагались очень редко.

Результаты проведенных исследований показали, что для анализа доверия/недоверия не совсем корректно применять целерациональную модель социального действия (“доверие — риск”), как это предлагают П. Штомпка или Э. Гидденс в своих концепциях социального доверия. По существу, речь идет о разных планах оценки действий: в одном случае по шкале минимизации вреда от власти, в другом — по шкале минимально достаточного позитива, символического отождествления себя с политиками или ценностями институтов. В этом плане отношение одесситов к власти и политикам — это отношение к самим себе и значимым Другим. Основа отношения — неполное доверие (в сознании и в реальной жизни), принудительное согласие с характером подобных отношений. В данном случае “неполное доверие” — это наиболее рациональная форма поведения. Крайние точки — полное недоверие и полное доверие к институтам — имеют идеологический характер. Неполное доверие — залог гибкости поведения, адаптации к важнейшим обстоятельствам социальной жизни, но это же — и фактор устойчивости подобной социальной системы. Недоверие как тип адаптивного поведения означает зависимость от института и стремление обойти или обыграть формальные правила игры, войти в неформальные отношения с агентами этих институтов по другим, уже не институциональным правилам поведения. При этом следует отметить, что применять целерациональную модель социального действия (“доверие — риск”), как это предлагают П. Штомпка или Э. Гидденс в своих концепциях социального доверия — не совсем корректно. По существу, речь идет о разных планах оценки действий: в одном случае по шкале минимизации вреда от

власти, в другом — по шкале минимально достаточного позитива, символического отождествления себя с политиками или ценностями институтов. В этом плане отношение одесситов к власти и политикам — это отношение к самим себе и значимым Другим. Основа отношения — неполное доверие (в сознании и в реальной жизни), принудительное согласие с характером подобных отношений. В данном случае “неполное доверие” — это наиболее рациональная форма поведения. Крайние точки — полное недоверие и полное доверие к институтам имеют идеологический характер. Неполное доверие — залог гибкости поведения, адаптации к важнейшим обстоятельствам социальной жизни, но это же — и фактор устойчивости подобной социальной системы. Недоверие как тип адаптивного поведения означает зависимость от института и стремление обойти или обыграть формальные правила игры, войти в неформальные отношения с агентами этих институтов по другим, уже не институциональным правилам поведения.

Литература:

1. Селигмен А. Проблема доверия / Перевод с англ. — М: Идея-Пресс, 2002.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / Перевод, с англ. — М.: Аспект Пресс, 1998.
3. Г. Еремичева, Ю. Симпура. Недоверие как социальная проблема современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1999 — т. 2, вып. 4.
4. П. Штомпка. Социальное изменение как травма / Социологические исследования. — 2001. — №1.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер, с англ, под ред. В. А. Ядова. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 416 с.
6. Архангельский М. Нам готовят антисоциальную эпоху // Социальная защита. — 1997. — № 2. — С. 3–9.
7. Вишняк О. Електоральна соціологія. — Киев. — 2000.
8. Ротман Д. Г. Методика анализа социально-политической ситуации // Социология. — 1998 — № 3.

О. В. Князева

кафедра соціології, Інститут соціальних наук,
Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Французький бульвар, 24/26, к. 40, Одеса, 65058, Україна

ВІДОБРАЖЕННЯ ФЕНОМЕНУ ДОВІРИ/НЕДОВІРИ В ПОВСЯКДЕННІЙ СВІДОМОСТІ

В межах дослідження взаємозв'язків суспільства й держави сучасна наука визначає в якості найважливішої тему довіри стосовно інститутів влади. У статті представлені результати прикладного соціологічного дослідження, метою якого було вивчення причин і факторів довіри, вивчення реверсного зв'язку, ефектів довіри, тобто наслідків соціально-економічних процесів, сполучених зі зниженням або посиленням довіри, а відповідно й ефективність політики Президента, уряду, депутатів ВР.

Ключові слова: довіра, недовіра, неповна довіра.

E. Knyazeva

Department of Sociology, Institute of Social Sciences,
Odessa National I. I. Mechnikov University,
r. 40, Frantsuzsky Boulevard, 24/26, Odessa, 65058, Ukraine

**THE REFLECTION OF THE PHENOMENON OF CONFIDENCE / NO
CONFIDENCE IN COMMON CONSCIOUSNESS**

Summary

Modern science regards the problem of confidence in the institutions of power as the main point of research into interconnections between the Civil Society and the State. The article represents the results of the applied sociological research into the reasons and factors of confidence, reverse connection, effects of confidence i. e. consequences of socio-economic processes, connected with a decline or growth in confidence, and accordingly — the efficiency of the President, the government and the deputies of the Verkhovna Rada policy.

Keywords: confidence, no confidence, partial confidence.